

С. К. ТРЕМЕЙН

ПРИЗРАКИ ВОДЫ

РОМАН

Перевод с английского
Елены Тепляшиной

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
T66

THE WRECKER'S GIRL by S. K. TREMAYNE

Copyright © S. K. Tremayne 2026

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Rachel Mills Literary Ltd.
и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского Елены Тепляшиной
Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

С. К. Тремейн

T66 Призраки воды: Роман / Пер. с англ. Е. Тепляшиной. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 448 с.

Корнуолльский детективный триллер. Осенним утром Натали Тьяк, молодую мать, находят мертвой у подножия скалы в отдаленном Пенуите, на западе Корнуолла. Полиция в недоумении: убийство, самоубийство, несчастный случай? Спустя год двое детей Натали, Грейс и Соломон, живущие в старом поместье со своим отцом Малколмом, начинают странно себя вести. Их загадочные высказывания и поступки наводят на мысль, что они знают о смерти своей матери больше, чем готовы рассказать. Полиция снова в тупике. Детям явно нужна психологическая помощь, и за дело берется судебный психолог Каренза Брей, но когда она приезжает в старый особняк, затерянный в сказочной лесной долине на берегу сурового моря, то понимает, что тайна гораздо более загадочна и опасна, чем всё, с чем она имела дело раньше. Стارаясь помочь детям, Каренза начинает искать корни трагедии в прошлом и с изумлением осознаёт, что случай, с которым она столкнулась, — наглядный пример модной теории психологической эпигенетики, согласно которой психологическая травма передается по наследству из поколения в поколение.

ISBN 978-5-907943-13-1

© Елена Тепляшина, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2026
© “Фантом Пресс”, издание, 2026
© Litbuk LTD, издание, 2026
© ООО “Вимбо”, издание, 2026

Тогда

Дождь, вечный дождь.
Эмма открыла дверь и взгляделась во врачебное утреннее небо. Так и есть. Дождь все еще не утих.

Она вздохнула, медленно, с чувством. Надо бы все же прогуляться. В доме или слишком жарко, или слишком душно, или слишком холодно, разговоры с родней мужа просто невыносимы, а сам Эндрю где-то вечно прячется, предоставляя Эмме биться в паутине светской болтовни, — словом, столь ожидаемая поездка на западное побережье Корнуолла обернулась чем угодно, только не расслабленным отдыхом, который Эндрю обещал ей в Лондоне.

Все будет так романтично! Ты только представь, как мы гуляем по скалам.

Какая там романтика. Каждое утро Эмма просыпалась на рассвете, угрюмые серые тучи ползли по небу неутомимо и решительно, будто выполняли миссию. И с миссией этой ониправлялись на отлично, а потом еще и Эндрю куда-то запропастился, словно не мог больше оставаться под одной крышей с родственниками, своими собственными отцом и матерью.

Дождь.

Медля у двери, Эмма снова спросила себя, куда все же подевался Эндрю. Опять улизнул в соседний городок? И пьет в “Саракине”? В любом случае сейчас она одна, и в эту минуту никто не изучает ее под лупой, не разглядывает ее, не пристает с расспросами — не оценивает, не докучает. Она просто стоит у двери, и перед ней дорожка, которая ведет к невозможной красоте, а во время этих корнуольских каникул Эмме редко выпадала возможность побродить где хочется. Такие прогулки она всегда особенно любила.

С минуту Эмма размышляла — может, сказать, что она уходит, оставить записку, дать знать, где она? Но потом решила: обойдется. Хотелось в полной мере ощутить себя беглянкой — только она и никого больше, насладиться восхитительным одиночеством, которое никто не нарушит.

Да и дождь, кажется, постепенно стихал. Теперь слышался только глухой, отдаленный рокот моря, а кроме того, чей-то голос где-то за спиной, в глубине дома. Неужели ее кто-то ищет?

Нельзя допустить, чтобы ее нашли. Она не вынесет еще одной партии в карты, еще одной чашки чая или еще одного раунда бессмысленной болтовни, не вынесет, когда невозможная красота — рукой подать. Как они могут жить так? Сидеть в четырех стенах, когда их окружает такое великолепие?

Хватит.

Эмма решительно влезла в пальто, зашнуровала ботинки и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Повернув налево и пройдя мимо конюшни, где пофыркивали лошади с лоснящимися шкурами, Эмма зашагала по тропинке, спускавшейся к океану.

Знакомая дорога. За недельный перерыв между промозглыми муссонами Эмма успела полюбить это прекрасное и печальное место с его бухточками и заливами: Пенберт, Ле Скейт, Портгварнон*, Зон Дорлам. Здесь дикие пустоши граничат с неприрученными лесами, те, хромая, выходят к опасным скалам, ко всему, что исторгает океан, а в небе, патрулируя принадлежащие только им нагромождения гранита, кружат морские птицы.

Через полчаса Эмма вышла к развилке. Она сразу решила, по какой дорожке идти.

По ее любимой.

Зон Дорлам. “Бухта с водопадом”! Все говорили ей, что здесь опасно, скользко, что это место пользуется дурной славой — красивое, но с угрожающе острыми камнями, и со всех сторон его окружают трухлявые деревья и осыпающиеся скалы, покрытые гнилой слизью. Эмма не обращала внимания на эти предостережения, потому что лесная тропинка, что вилась между кустами утесника, ежевики и гребенщика, выводила ее к просоленному морскому простору. Вбирая в себя окружающее великолепие, Эмма не раз уверенно шла вперед, перепрыгивала через остатки ступенек, пробиралась сквозь колючки, по крутому склону спускалась на безлюдный в конце ноября берег.

Но сегодня?

Сегодня впервые за эту дождливую неделю Эмма оказалась у Зон Дорлама не одна.

* Пенберт — прибрежная деревня на полуострове Пенуит, в Корнуолле. Ле Скейт — бухта, расположенная между деревнями Пенберт и Ламорна. Портгварнон — маленькая бухта между бухтами Пенберт и Ламорна.

От удивления она приоткрыла рот. Там кто-то... спал. Как будто ребенок. У самого водопада. Причем ребенок одетый. Он пришел не понырять в море. Он просто лежал там.

На холоде. В сырости.

Эмма замерла, не зная, как быть, ее сковал страх. Почему маленький ребенок поздней осенью лежит на берегу? В таком опасном месте? Сразу стало ясно: что-то не так. Может быть, ребенок не спит, а все куда хуже?

Выбора нет. Надо проверить. Обогнув валуны, Эмма нашла место, откуда было лучше видно. Это был не ребенок.

На холодных камнях, в чаше водопада, там, где каскад воды переходил в поток, лежала молодая женщина. Ее лицо скрывал капюшон. И слава богу. Потому что Эмма уже поняла — перед ней тело, мертвец, труп. Ни один живой человек, у которого бьется сердце, не станет лежать под водопадом — неподвижно, под струями ледяной воды.

Эмма осторожно приблизилась и заглянула под капюшон. Это был не просто труп. Лицо женщины ужасало — разлагающаяся плоть, кости. Рядом с трупом лежал ботинок, единственный, сиротливый детский ботиночек, кожа покоробилась, съежилась — совсем как лицо женщины.

Здесь произошло нечто куда более страшное, чем несчастный случай, а может, даже более страшное, чем убийство. Нечто совершенно немыслимое.

Дождь с шорохом сыпался на море и скалы, на папоротники и липкую грязь. Эмма закричала.

Я сижу в великолепной гостиной и смотрю на мою самую молодую и самую богатую клиентку. Ромилли Келхелланд, утонченно-изысканная в черных джинсах и пепельно-сером кашемировом свитере, прервала свой монолог, чтобы не торопясь сделать глоток какого-то прозрачного зеленого напитка, его только что доставила на серебряном подносе горничная. Мне таких напитков никогда не предлагали, отчего я начинаю подозревать, что это алкоголь. Когда во время сессии наступает естественная пауза — как, например, сейчас, — Ромилли иногда выпивает стаканчик чего-нибудь покрепче. Или же стаканчик другой появляется в конце сессии, пока я собираю вещи и думаю, как буду возвращаться домой, на пароме до Фалмута*.

Пока Ромилли пьет, я любуюсь знаменитым видом из окна ее дома, роскошного Тамарис-хауса. Наверняка именно из-за него богатый капитан-англичанин и его жена-португалка в 1820-х годах построили здесь этот величественный особняк в стиле Регентства.

* Город на южном побережье графства Корнуолл.

Из эркера Тамарис-хауса виден весь Сент-Мавес*, очаровательная маленькая гавань, Плейс-Мэнор**, окруженный зеленым лесом, Джизус-бич, а по ту сторону — Сент-Энтони Хед***. Даже в серый ноябрьский день вроде сегодняшнего гавань выглядит жизнерадостно. Здесь всегда толкуются лодки.

Я оглядываюсь — проверить, что и как. Ромилли погружена в свои мысли, и я, пользуясь минутой, снова рассматриваю раскинувшийся передо мной город.

Где-то там внизу, в Сент-Мавесе, неустрашимые туристы, задержавшиеся до конца сезона, пройдут мимо отеля “Тресантон”, мимо паба “Виктори”, спустятся к пижонскому отелю “Айдл Рокс” и магазину, где продают свежую рыбу; магазин соседствует с кафе-мороженым, которое сейчас закрыто. Болтая и смеясь, они пройдут мимо почты и парома на Фалмут, куда паромщик Джаго Майл запускает пассажиров.

И я спрашиваю себя, заметит ли хоть кто-нибудь еще один чистенький, очаровательный розовый дом с викторианской террасой, где когда-то счастливо жили молодая специалистка по судебной психологии, ее муж-юрист и их худенькая дочка Минни.

Сомневаюсь. С чего бы им его замечать?

— Каренза, с вами все в порядке?

Реальность возвращается, я оживаю.

— Да, прошу прощения, просто, знаете, воспоминания...

* Городок на берегу полуострова Роузленд. Святой Мавес — корнуольский отшельник, живший в VI в.

** Историческое поместье на полуострове Роузленд.

*** Высокий мыс при входе в бухту Кэррик Роудс.

Я приказываю себе собраться. Работай. Ромилли Келхелланд — частная клиентка, она оплачивает мое время своими деньгами — или деньгами своей семьи. Я больше не сижу в ярко освещенной больничной допросной с белыми стенами, где мебель привинчена к полу и где я беседую с очередным детоубийцей о его фиксации на мягких игрушках. С тем миром покончено, сбылась моя мечта. Моя новая работа совсем другая, и мне хочется верить, что я понемногу строю новую карьеру, просто сейчас клиентов еще маловато. Но эта работа тоже требует сосредоточенности, хоть и на других вещах.

— Что вы сейчас пьете, Ромилли?

— “Сириулино”. У меня зависимость.

— Это же алкоголь, да?

Ромилли хихикает.

— Ну ладно, профессор Мориарти. Тут вы меня поймали. С поличным.

— А не рановато?

— Рановато? Ах, Каренза, я просто не могу удержаться, эти коктейли восхитительны. Мы с Тэш открыли их прошлым летом во Флоренции.

— Что это вообще такое?

— Их смешивают в “Ривуар”, да? В знаменитом кафе на пьяцца делла Синьория? По-моему, там джин, финокветто, шампанское и сироп из спирулины. Вы давно там были? Во Флоренции? В “Ривуар”? Обязательно попробуйте!

Я смеюсь. Мне бы лучше полпинты “Дум Бар” в “Виктори”, в компании паромщика Джаго.

— Я в такие места нехожу. Но по описанию — приятное заведение.

Ромилли, привыкшая очаровывать, улыбается ангельской улыбкой. Точеные скулы, светлые волосы, прозрачные зелено-голубые глаза, соблазнительная улыбка молодой женщины, у которой в жизни все хорошо. Ей двадцать три, она богата и прекрасно образованна. Улыбка жестоко обманчива.

Доведись вам увидеть Ромилли в модном баре в Брикстоне или Бруклине — обычно она проводит время именно там, если только не прячется в своем корнуолльском доме, — вы бы ни за что не догадались, что под этими дорогими джинсами скрываются зарубки шрамов. Розовые деления на счетчике самоистязаний.

Вы не сразу догадались бы и о том, что под серым кашемиром скрываются темные синяки. Отметины, оставленные наркотиками, отметины, оставленные травмой, издевательствами, опасностями. Как много всего скрыто. Взглянув на великолепные особняки и яхты, услышав про аристократические фамилии с титулованными кузинами по всему Корнуоллу, кто догадается, что эти родословные, эти почтенные династии таят в себе столько тоски, даже несчастий?

Я это знаю, знает и Ромилли. Мы с ней здесь для того, чтобы что-нибудь с этим сделать, как-нибудь исправить.

И я, подавшись вперед, предлагаю поговорить — поговорить, например, о маме. Ромилли Келхелланд, вздыхая, соглашается, и вторую половину нашего с ней часа мы проводим, обсуждая ее эгоистичную, помешанную на пластической хирургии и кокаине мать — женщину, которая, по моему глубокому убеждению, и есть главная причина того, что Ромилли

Келхелланд иногда стягивает джинсы и проводит острым ножом по обнаженному бедру. И испытывает восторг, глядя, как сочится кровь, чувствуя, как нарастает боль.

Милая мама.

Мы обсуждаем мать Ромилли полчаса, и по прошествии этого получаса Ромилли выглядит опустошенной, но, возможно, очистившейся, пусть и немного. Во всяком случае, я на это надеюсь. Если я не в состоянии помочь, то в моей новой работе нет смысла, ведь я хочу в первую очередь быть полезной.

Сессия близится к концу. В ознаменование этого Ромилли иногда просит — и получает — еще одну порцию “Сбирулино”. На этот раз предлагает стаканчик и мне. Я вежливо отказываюсь.

Пока Ромилли потягивает свой роскошный напиток, я сижу как бедная родственница и пытаюсь припомнить, была ли я *вообще* во Флоренции. Все, что я помню про Италию, — это один сумасшедший тур по стране. Мы с Кайлом (мне двадцать два, я бакалавр психологии, Бристольский университет) тогда попытались втиснуть как можно больше всего в десять безумных дней; в эти же десять дней вписался и великолепный секс в дешевых итальянских гостиницах, где банные полотенца были как хлопчатобумажные салфетки. Ездили мы тогда во Флоренцию? Может, и ездили, всего на одну ночь, за которой последовал день в столпотворении картинной галереи...

Или это была Венеция?

Те каникулы — слишком много впечатлений за слишком короткое время. Но тогда это ничего не значило, тогда мы почти всегда были счастливы. Наши

отношения походили на абсурдно затянувшийся медовый месяц — с нашей первой встречи (подумать только, в университетском альпинистском клубе) до первогоекса, а он состоялся три дня спустя, и отношения эти протекали гладко, естественно, казались такими правильными. Путь этот был весел, я стажировалась в Модсли*, Кайл заканчивал свои юридические штудии, и оба мы вовсю пользовались временем своего студенчества, позволяя себе иногда сорваться на какую-нибудь великолепную неделю, часто — в альпинистский тур. Кручи Пиренеев, Старик из Сторра**...

Звонят колокола городской церкви. Оплаченный час почти прошел. Я поднимаю глаза и вежливо покашливаю — истинный профессионал.

— Ромилли? Наверное, закончим на этом? Или задержимся, если хотите?

Но внимание Ромилли поглощено телефоном, она улыбается кому-то сообщению или картинке, иногда с ней такое случается, и я научилась мириться с этими последними минутами сессии, когда нужно дать ей завершиться естественным образом, и погружаюсь в воспоминания. Спрашиваю себя: может, что-то пошло не так *еще раньше*? Может, мы допустили оплошность, проглядели предостережение?

Вряд ли. Годы учебы закончились, начались первые годы профессиональной жизни и первые годы брака. Я, полная амбиций, с головой ушла в доктор-

* Психиатрическая лечебница в Лондоне, а также крупнейшее в Великобритании учебное заведение, где готовят психологов и психиатров.

** Гора на острове Скай (север Шотландии). Представляет собой базальтовый столб.

скую диссертацию, работала в Де Креспенни. Кайл избрал для себя карьеру обвинителя. А потом появилась Минни — и настоятельная потребность свить гнездо. Мы вернулись домой, в Корнуолл.

Снова вежливое покашливание. На этот раз — Ромилли. Она смотрит на меня с улыбкой сочувственной, но ленивой.

— Каренза, нам необязательно всегда встречаться здесь, в Тамарис, если... м-м... если Сент-Мавес иногда... как бы сказать... вызывает у вас слишком сильные чувства.

Я сдержанно киваю. Моя клиентка, со свойственной ей апатичной вежливостью, явственно дает понять: *если вам тяжело возвращаться в этот город со всеми его ассоциациями, мы можем встречаться где-нибудь еще.*

Собравшись с духом, я качаю головой:

— Все нормально.

Потому что предложение сделано из лучших побуждений, но оно лишнее. Обычно я принимаю частных клиентов у себя дома в Фалмуте, у самой воды, в комнате для гостей, но Ромилли хорошо платит и я хочу угодить ей, к тому же, несмотря на воспоминания, паромная переправа в компании Джаго Мойла проходит весело, да и в целом поездка в Сент-Мавес — приятное развлечение. Я бываю здесь раз в неделю, а значит, могу заглянуть к бабушке в ее полную любви и сплетен муниципальную квартиру над городом. Я могу мириться с *ассоциациями* — или прогнать их.

Если только они не слишком настойчивы. Как сегодня.

— Честное слово, Ромилли, все в порядке...